

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

Звезда

Открытое письмо поэта и критика Льва Озерова  
прозаику Георгию Гулиа

**Д**АВНИЙ читатель и автор «Звезды», я, Георгий Дмитриевич, еще летом прошлого года слышал, что в журнале будет печататься Ваша повесть о викингах. Викинги? Меня смущало то, что я досадно мало знаю о них. «Надо будет прочитать что-нибудь об этой эпохе», — сказал я себе. Но так случилось, что не успел выполнить своего же наказа.

И вот в 12-й книжке «Звезды» за 1979 год залпом прочитал я Вашу «Сагу о Кари, сыне Гуннара». Прочитал и понял, что готовиться к чтению не было никакой нужды. И не потому, что в «Саге» есть необходимые исторические сведения о викингах. Их нет. Совсем иное. Произведение художника, пишущего на темы истории, может волновать нас, если способно подключить наше внимание к миру образов, далеких от нас по времени и в то же время близких нам по наполнению и смыслу.

Не было бы никакого проку проникать нам в историческое повествование, если бы мы были бы заняты только тщетой реставрации старины, свидетелями борьбы художника с беспамятливостью человечества.

Вы вводите меня в восьмой век нашей эры просто, как в мастерскую. Неприятная история из жизни Кари, сына Гуннара, сына Торкеля, сына Гуторма, и Гудрид, дочери Скегги, рассказана с подкупающей простотой, так, будто Вы только что сами были свидетелем описанного. Надеюсь, что читатель с любым образовательным цензом — от школьника до академика — прочтает Вашу «Сагу» и задумается над поэтичной «Ромео и Джульеттой» эпохи викингов.

Предваряя авторским словом чудесную книгу об экспедициях на «Кон-Тики» и «Ра», Тур Хейердал пишет: «Любознательность — движущая сила, которая дана нам от рождения; ее не измеришь ни киловаттами, ни лошадиными силами, но она непрестанно влечет человека вперед, внушает ему стремление преодолеть неизвестность».

И мореплаватель-ученый, пыливший из наших современников, продолжает свою мысль: ребенок ползет к печке, потом, когда своя комната изучена, надо выйти за дверь в соседнюю комнату. А потом лестница, двор, улица, город, страна, мир — «неведомое пятится, отступает...».

Неведомое пятится не только под воздействием разума. Поэтическое воображение способно отвоевывать у неведомого важные участки и плацдармы. В «Саге» есть образы, которые нельзя было вычитать или сконструировать. Они рождены на свет интуицией, догадкой, поэтическим воображением.

Пересказать нехитрый сюжет произведения? Это проще всего — пересказать Вашу «Сагу» и заинтересовать ею читателя. Но Вас можно поздравить: «Сага» не поддается пересказу. Хороший признак поэтичности. Это можно почувствовать, познако-

мившись с текстом. Я ловил себя на том, что некоторые образы, как строфы стихотворения, произношу вслух, скандируя:

«Лес таит в себе огромное таинство. С каждым деревом можно вести беседу. Разумеется, на понятном ему языке. И каждый листочек, каждая зеленая иголочка в лесу содержат в себе нечто, в чем нуждается наша душа, без чего нельзя жить».

Это не только пейзажи, но и портреты, характеристики, диалоги. Повествование динамично, без длиннот, оно не буксует и в то же время производит впечатление эпической медлительности, основательности, напряженности.

Кари к началу Вашего рассказа исполнилось двадцать зим, Гудрид минуло пятнадцать лет, когда ее впервые увидел Кари. Зарождение чистого чувства, объединяющего двоих и таким

репланию учат, жизнеплаванию тоже учат. И Тейт не заменяет Кари отца, но дополняет его. У Тейта истинный талант педагога, предупреждающего ученика и тем ограждающего его от возможных неверных поступков. Но жизнь есть жизнь, она диктует свои законы. И самый мудрый наставник не может уберечь своего ученика от превратностей жизни. Любовь Кари и Гудрид претерпевает жесточайшие испытания. Читателя от видения чистой любви, романтической песни о ней Вы бросаете в другую крайность. В «Саге» есть сцена массового изнасилования. Художник здесь вступает в область крайней жестокости и бесчеловечности. Развитие образов в «Саге» можно сравнить с искусством вождения лодки среди острых скал. Всюду поджидают Сциллы и Хариды. А надо уверенно двигаться к финалу. Кари увозит

— И тем не менее — бросить!»

Кари не может уйти от своего чувства. И в этой части беседы с Тейтом он — влюбленный — выше мудреца. Здесь есть над чем подумать. Да и на других страницах «Саги» не поспукаешь.

Подумать только: едва ли не самое благородное из человеческих чувств — любовь — оказывается едва ли не самым незащищенным. Здесь мало защиты только разума. Здесь нужна защита фронтальная.

На веку многоопытного писателя было все: и решительные удачи, и проходные произведенья, и неудачи. Он знал похаалу достойных и широкое читательское признание. Здесь речь не о природе славы, репутации и огласки. Здесь речь о том, что понимание для художника всего ценней.

Вспоминаю, как мы до хрипоты спорили с Вами, Георгий Дмитриевич, по поводу фараонов, деспотов, сатрапов и способов их изображения. Мы спорили вечерами, а утрами шла у Вас очередная работа. Давняя история, жгучая современность, газета, публицистика. Вы не даете Вашему верстаку отдыха. Под ним всегда много стружки. В этих кудрявых, пахнущих лесом стружках утопали Ваши ноги. Читатель знает Ваши книги. Они не залеживаются на полках библиотек. А писатель ведет себя так, будто пишет первую свою книгу.

Но возвращаясь к «Саге», захожу под ее впечатлением.

Любовь и борьба со страхом, месть жестокосердных и любознательность мореплавателей, тупость и поиски добра — все это в «Саге» переплелось, завязалось в тугую узел и предстало в единстве.

Читая «Сагу», я оглядывался и на «Весну в Сакене», и на «Добрый город», и на многие Ваши книги, исторические и современные повести и рассказы. Я не мог, конечно, предвидеть появления «Саги», но теперь, когда она появилась, я явственно ощущаю ее законное вхождение в корпус Ваших произведений.

Сколько пришлось Вам ездить, вглядываться, думать, искать в разных странах следы викингов, к которым еще не прилипла позднейшая кличка «разбойники». Исторический рельеф стал наполняться красками и звуками. Вы увидели страну и живо представили себе ее прошлое. Вы пишете: «Мне показалось, что начинаю разбираться в душевной весенней сумятице тех сильных и отважных людей». И фиорды как бы наполнились для Вас «звуками григвской музыки».

Я слышу ее, читая «Сагу», слышу в Вашей аранжировке. Не знаю, каково будет суждение историков Норвегии, знатоков мореплавания разных народов и эпох. Я сужу как читатель, следовавший несколько часов за Вашим воображением. Эти несколько часов были исполнены поэзии. Песнь сагу чужого народа Вы произнесли как свою.

ДЫХАНИЕ  
ДАЛЕКОЙ  
ЭПОХИ

образом связывающего в целое весь мир, — великое благо поэзии. На этом проверяется художник.

Кари смотрит на Луну и видит Гудрид. Это мечтание. А вот он плывет по фиорду на лодочке, которую обычно привязывают к большой. «Солнце светило сразу с двух сторон: сверху и снизу, со дна фиорда». Любовь озаряет человека тоже с двух сторон: извне — предмет высокого чувства, и изнутри — способность, желание, потребность в нем. Вы убедительно показали, Георгий Дмитриевич, это равновесие начал в сильной любви, казалось бы, противостоящей какому бы то ни было равновесию. У старого, еще, к сожалению, не показанного читателю поэта Георгия Оболдуева книга стихов и поэм названа «Устойчивое неравновесие». Чудесное название, как нельзя лучше подходящее для определения чувства, которое Вы описали, нет, воспели. Все-таки «Сага» — это песня, она слагается и поется.

Скальд Тейт, сын Скарлехдина, — верный Ваш помощник. Он не то мудрый, не то наивный, не то примитивный, не то цельный, внушает доверие своей неторопливостью и терпеливой мудростью. Надо ли к слову «мудрость» добавлять эпитет «терпеливый»? Нет, не надо. Подказанное спытом суждение (Тейту исполнилось пятьдесят зим) необходимо младшим. Мо-

свою Гудрид в открытое море. В который раз любовь и «свободная стихия» сочетаются. Освещенный солнцем парус уносит любовь в невидимые дали. Юношеская, откровенно романтическая концовка. Она правдива.

Северная «Сага» выплеснулась из сердца южанина, сына Абхазии. Фиорды Норвегии и заливы Черного моря несхожи, но чистая любовь юноши и девушки, видения того, как «передо мной явилась ты», сближает людей разных эпох и народов. Борьбу родов, кровную месть, жестокость северян Вы поняли и изобразили, как русский писатель, как кавказец по месту рождения и характеру. Это придало «Саге» романтичность слестнувшихся, как два ветра, стихий. Добра и зла. В конечном счете у людей решается: способны мы уберечь от наглости, разбоя, грубых посягательств чистое и незащищенное чувство?

Что выше, любовь или мудрость? Надо ли их сравнивать, если они растут на разных деревьях? Влюбленный Кари спрашивает скальда, когда возникает конфликт между родами, что делать. К Гудрид сватается представитель другого сильного рода.

«Тейт не задумывается:

— Бросить ее!

— Кого?

— Гудрид!

— Бросить?.. Как?.. Куда?.. Она же не щепка, не камень.